

УДК 811.161.1

КРЕОЛИЗОВАННЫЙ ТЕКСТ КАК ЖАНРОВО-СТИЛЕВОЙ ФЕНОМЕН РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО МОДЕРНА РУБЕЖА XIX-XX ВЕКОВ

Карташова Е.П.

ФГБОУ ВПО «Марийский государственный университет», Йошкар-Ола, Россия (424001, Йошкар-Ола, пл. Ленина, д.1, E-mail: elena.kartashova@ro.ru

В статье анализируется новаторская проза потока сознания В.В. Розанова как образец экспликации русского литературного модерна, реализующегося системно: на уровнях мировоззрения творческой личности писателя, содержательных особенностей, организации художественно-образных средств. Для прозы потока сознания в плане языкового выражения особенное значение приобретает понятие «креолизованного текста», где вербальные и невербальные элементы образуют одно визуальное, структурное, смысловое и функциональное целое. В прозе потока сознания В.В. Розанова значительным визуальным невербальным потенциалом обладают графические стилистические средства или параграфемные элементы: синграфемика (пунктуационное варьирование); супраграфемика (шрифтовое варьирование); топографемика (механизмы варьирования плоскостной синтагматики текста). В статье анализируются все три способа реализации индивидуально-авторской параграфемики.

Ключевые слова: В.В. Розанов, проза потока сознания, стилистическая графика, параграфемика, способы реализации индивидуально-авторской параграфемики

CREOLIZED TEXT AS A GENRE AND STYLE PHENOMENON OF RUSSIAN LITERARY MODERNISM THE XIX-XX CENTURIES

Kartashova E.P.

Mari State University, E-mail: elena.kartashova@ro.ru

The article analyzes innovative prose of stream consciousness by V.V. Rozanov as an example of Russian literary modernity explication, being implemented systematically: on the level ideology of the writer's creative personality, on the level of content features, on the level of organization of artistic and imaginative resources. In terms of linguistic expression special importance for consciousness stream prose is gained by the concept of "creolized text" where verbal and nonverbal elements form the same visual, structural, semantic and functional unit. In consciousness stream prose by V.V. Rozanov graphic stylistic means or parafragemic elements have significant visual nonverbal potential : singrafemic (variation of punctuation); supragrafemic (font variation); topographemic (varying of planar mechanisms of syntagmatics text). The article analyzes the three ways of implementing individual author's parafragemic.

Keywords: V.V. Rozanov, stream of consciousness prose, stylistic graphics, parafragemic, ways of implementing individual author's parafragemic

Рубеж XIX-XX веков в истории России получил название русского культурно-религиозного Ренессанса, который, хотя и был связан с общеевропейскими эстетическими традициями, обладал собственными оригинальными свойствами и качествами. Важное место в осознании этого исторического периода именно как Ренессанса принадлежит русскому литературному модерну, своеобразному художественно-эстетическому феномену, реализованному на уровнях мировоззрения творческой личности, жанрово-стилевых предпочтений, новых принципов языковой организации текста.

Истоками модернизма как философско-эстетического движения в искусстве стали идеи Ф. Ницше, Э. Гуссерля, З. Фрейда, в дальнейшем экзистенциализм Хайдеггера. Во всех этих философских системах рациональному мышлению было противопоставлено проповедуемое

многообразии субъективистских интерпретаций бытия. В центре изображения оказался сложный, противоречивый внутренний мир личности: ее сознание, подсознание и душа. «Именно глубокое проникновение в глубины подсознания отдельной личности, попытки воссоздать многообразие физических и духовных форм индивидуального бытия, раскрытие таинственных сторон человеческой природы на основе активного использования автобиографического материала объединяют наиболее яркие новаторские явления литературы XX века...Субъективное, личностное начало не случайно становится ведущим, как не случайно и стилистическое усложнение, отход от традиционных средств описательной прозы» [8, 124].

Русскую художественно-эстетическую картину рубежа веков невозможно представить без замечательно одаренной личности, стилиста «божьем промыслом» В.В. Розанова. Вершиной, своеобразным пиком раскрытия творческого потенциала личности В.В. Розанова, в полной мере определивших его литературный гений, считаются знаменитые литературно-философские произведения «Уединенное», «Опавшие листья», настолько оригинальные по жанру и языковой форме, что Розанова называют создателем нового литературно-философского жанра в русской литературе начала XX века. Появление нового жанра, а значит, нового типа авторского повествования, отличного от классической повествовательной нормы XIX века, с одной стороны, разрушало понятие традиционной литературности, с другой стороны, открывало новые перспективные пути развития русской литературы, русского литературного языка, направленные, по выражению В.В. Розанова, на преодоление «официальной литературы».

Новый жанр, созданный Розановым, «сочетал образность художественной прозы, лирический субъективизм поэзии, тематическую актуальность публицистики и концентрацию мысли, свойственную философии. Вместо вымышленного сюжета *стержнем повествования становилась личность самого автора, его душа в свете «вечных проблем»* [8, 148]. Нет ничего удивительного в том, что новаторство Розанова в области художественной формы находилось в общем русле поисков эффективных и эффектных выразительных языковых средств крупнейшими отечественными и зарубежными писателями начала XX века, так как именно к началу XX века относится появление новых литературных направлений и школ, прежде всего модернизма.

Религиозный мыслитель начала века, литературный критик, публицист В.Н. Ильин считал Розанова первым в России по-настоящему удавшимся футуристом: «Розанов есть удавшийся футурист, *удавшийся Пикассо русской литературы и русской философии*, равно как и русской религиозной метафизики» [4, 411]. Если под «удавшимся футуристом» понимать разрыв с традиционной условной системой литературных жанров, стремление

передать «хаокосмос» индивидуального, субъективного «я» новыми стилистическими средствами речевой выразительности, в основе которых преобладают следующие принципы: авторское словотворчество; появление новых индивидуально-авторских идиолектов; новая графика; языковые средства эпатажа консервативных вкусов публики; парадоксальное сочетание трагического с авторской иронией; аффектированный свободный синтаксис; приемы ассоциативного монтажа прошлых и сиюминутных переживаний, то В.В.Розанова можно, действительно, считать состоявшимся русским футуристом.

Все произведения, написанные в новаторской жанровой и языковой форме («Эмбрионы», «Уединенное»; «Опавшие листья». Короб первый и второй; «Смертное»; «Перед Сахарной»; «Сахарна»; «После Сахарны»; «Мимолетное»; «Последние листья»; «Апокалипсис нашего времени»), внутренне объединены целостным авторским мировоззрением и именно поэтому могут рассматриваться как единый контекст. После издания «Уединенного» и «Опавших листьев», совершенно необычных с точки зрения классической традиционной стилистики, В.В.Розанов предстал перед читающей публикой как оригинальный художник-новатор. Созданная философом новая литературная форма, гениально синтезировала прозу, поэзию, публицистику и философию на основе экспликации яркого субъективного авторского начала, глубокого интимного личностного опыта, имеющего мистическую, метафизическую природу.

Гораздо позже появилась иная точка зрения на жанровое своеобразие «Уединенного» и «Опавших листьев» как на литературу «потока сознания». Интересно, что образ *жизненного потока* при попытке определить жанр последних произведений Розанова возник еще у Н. Бердяева, который ощущал специфику творческого метода Розанова как образ непрерывного «потока» при обрисовке сложного, противоречивого внутреннего мира автора. Приведем пространную цитату из статьи Н.А. Бердяева «О вечно бабьем в русской душе», который, в целом высоко оценивая литературно-философскую прозу Розанова, определяет специфику его природного дара как изначально женственную, безмерно субъективную и рефлектирующую по самому мельчайшему поводу и переливающую на бумагу «поток своих женственно-бабьих переживаний»: «В ослепительной жизни слов он дает сырье своей души, без всякого выбора, без всякой обработки, и делает это с даром единственным и неповторимым. *Писательство для него есть биологическое отправление организма. И он никогда не сопротивляется своим биологическим процессам, он их непосредственно заносил на бумагу, переводил на бумагу «жизненный поток»...* Все, что писал Розанов, есть *огромный биологический поток*... Розанов – это какая-то первородная биология, переживаемая как мистика. Розанов не боится противоречий, потому что не боится их биология, их боится лишь логика. *Но он остается в целостности жизненного, а не*

логического потока, процесса... Всякое жизненное дуновение, ощущения превращают его в резервуар, принимающий в себя *поток*, который потом с необычайной быстротой переливается на бумагу, такой склад природы принуждает Розанова всегда преклоняться перед фактом, силой, историей. *Для него сам жизненный поток и есть Бог...Он совершенно субъективен, импрессионистичен, ничего не хочет знать, кроме потока своих ощущений и впечатлений* [1, 36].

Все приведенные наблюдения относительно определения специфики жанра «Уединенного» становятся очень важными при соотнесении приведенных точек зрения исследователей с термином «потока сознания», которым активно пользовался модернизм, возникший на рубеже веков в качестве нового философско-эстетического движения в искусстве. Модернизм как сложившаяся философско-эстетическая система сформировался лишь в 20-х годах XX века, но значительно ранее получил распространение термин «*поток сознания*», которым обозначался новый литературный жанр, воспроизводивший сложный индивидуальный мир душевных переживаний и возникающих в связи с этим подсознательных ассоциаций и рефлексий личности. Считается, что сам термин «поток сознания» («Stream of consciousness») принадлежит американскому философу-идеалисту У. Джемсу, который в «Основании психологии», вышедшей в 1890 году, предположил, что сознание – это поток, река, в которой мысли, ощущения, внезапные ассоциации постоянно перебивают друг друга и причудливо парадоксально, нелогично переплетаются.

Необходимо заострить внимание на том факте, что основой для определения нового жанра «потока сознания» служит одна и та же ассоциация *потока, реки, непрерывного течения* для обозначения внутреннего мира личности у совершенно разных творческих натур практически в одно и то же время: У. Джемса, В.В. Розанова, А. Белого, Н.А.Бердяева. Это не может быть случайным. «Так как если идентифицировать русское понятие *души* с западноевропейским понятием *сознания*, то «опавшие листья» как *«жизнь души»* соответствует определению «*поток сознания*» [7, 719].

Для прозы потока сознания в плане языковой экспликации особенное значение приобретает понятие «креолизованного текста». Креолизованный текст – это «сложное текстовое образование, в котором вербальные и невербальные элементы образуют одно визуальное, структурное, смысловое и функциональное целое, имеющее комплексное воздействие на адресата» [3, 180].

В прозе потока сознания В.В. Розанова значительным визуальным невербальным потенциалом обладают графические стилистические средства или параграфемные элементы. В современной стилистике выделяются три основных способа реализации индивидуально-авторской параграфематики: синграфемика (пунктуационное варьирование); супраграфемика

(шрифтовое варьирование); топографемика (механизмы варьирования плоскостной синтагматики текста) [2, 79]. В прозе потока сознания В.В. Розанова разнообразно представлены все три способа реализации индивидуально-авторской параграфемики.

Рассмотрим такой индивидуально-авторский элемент, как богатое варьирование пунктуационных знаков, выражающих сложность и многомерность эмоционального мира писателя. Часто такая индивидуальная пунктуация служит сигналом экспликации авторского отношения к описываемому, создания эффекта намеренного эпатажа, иронической, гротескной экспрессии. Приведем наиболее красноречивые примеры способов варьирования восклицательных и вопросительных знаков:

"Почему же не к такой семье, почему именно к одинокой квартире ректора архимандрита должен быть подвинут по образу, по типу и по духу наш православный храм, в котором молитвенников-семьянинов, конечно, больше, нежели холостых или вдовствующих!!!!!!!" ("Опавшие листья", 1990, 187); *"Литературу я чувствую, как штаны. Так же близко и вообще "как свое", их бережешь, ценишь, "всегда в них" (постоянно пишу). Но что же с ними церемониться????!!!"* ("Опавшие листья", 1990, 187); *"Почему вы "ненавидите" Гоголя? Лучше что-нибудь другое. Это меня поразило. И на все попытки оставалась деликатно глуха. Что такое????! Гоголь!!! - Я не понимал"* ("Опавшие листья", 1990, 465); *"На хорах был пристав: и вот Анненский сказал после какого-то предостережения, что нас слушают...И показал на хоры" - пишет Любовь Гуревич...Показал на самого пристава!!! Какая отчаянная храбрость!!!!"* ("Опавшие листья", 1990, 147); *"Может, другие не имеют права умереть сами, но я имею право умереть сам...Грех! Грех!! Грех!!!"* (5, 494).

В модернистской прозе В.В. Розанова авторская пунктуация достаточно часто сочетается с элементами супраграфемики, например, курсивами, шрифтовыми выделениями особенно важных, с точки зрения авторских интенций, слов и словосочетаний. В результате текстовое пространство наполняется протяженными визуально-графически маркированными участками текста. Проиллюстрируем примерами, где полностью сохранена авторская графика: *"Это бессовестно читать чужие письма! - Милая, да **открытки** на то и пишутся, чтобы их все читали. - Вовсе нет!!! Это письмо!!!! **Ведь не к тебе** оно написано!!!!!"* (5, 268); *"Христос дал хлеба. Одно из величайших чудес. Не сомневаемся в нем. О, нисколько, ни мало, ни йоточки! Но скажем: каково же солнце, которое неизреченным тьмам народа дает хлеб, дает право как "по службе", "по должности", "почти по пенсии". Дает и **может** дать. Дает и значит, **хочет** дать? У солнца - воля и ... **хотение**? Но... тогда "ваал-солнце"? Ваал – солнце финикиян? И тогда поклонимся Ему? Ему и Его великой мощи? Это-то уже несомненно. Ему и его **великому, благородному человеколюбивому хотению?...???**"* (5, 591).

Интересным, оригинальным свойством авторской графики являются элементы топографемии, то есть создание конкретного оптического образа фрагмента текста. Наиболее часто Розанов использует знак † для обозначения конца земной жизни, смерти, причем это может быть один знак или их сочетание, как правило, для обозначения смерти многих людей: "28 июля † Наука (фамилия лечащего врача жены Розанова - примеч. мое - Е.К.), объявление в "Новом времени". Мамочка заплакала о нем" (5, 278); "И Тиллинг, директор Евангелической больницы, Роше в Мюнхене, Наук за границей, теперь вот Тиллинг (такой гигант был), еще Рейнгельн. Все †††" (5,494); "Теперь все кончилось. "Подгребаю угольки, как в истопившейся печке. Скоро закрывать трубу (†)" (5, 509).

Яркими выразительными возможностями обладают примеры, где происходит усложнение визуального восприятия текста на основе сочетания всех способов реализации индивидуально-авторской параграфемии: синграфемии, супраграфемии и топографемии: использование курсива и размера шрифта в зависимости от лексического значения слова, подвергнутого курсивному выделению; более того, такое экспрессивное графическое оформление может сочетаться с рисунком, изображающим выделенное слово. Приведем примеры: "Действие "Мертвых душ" и было это: что подсмотренное кое-где Гоголем, действительно встретившееся ему, действительно мелькнувшее перед его глазом, **глазом**, . И в чем гениально, бессмысленно и по наитию он угадал "суть суеты" моральной сивухи России" (6,26); "Полицейский - самая маленькая величина. Чего: на него даже пролетарий плюет. И в старое, где все маленькие, он вырос в **САМУЮ ОГРОМНУЮ ВЕЛИЧИНУ**" (6,110); "Поразительно, что в КРАСОТУ входит именно **ВЕЛИЧИНА**. Отсюда эпитет **ВЕЛИКИЙ...**" (6,180); "Хочу, хочу уважать правительство. И если оно (если бы) подленькое, - нет: по - д - лень - кое, то особенно соединимся около него. И Бог ради верности нашей - ответит руку от него" (6, 85).

Большую роль в организации внешнего визуального пространства играют такие графические знаки, как отточия, знаки постскриптов, апострофы. Здесь важно прокомментировать следующее высказывание В.В. Розанова. Когда писатель собирался поручить печатание "Последних листьев" о.П.Флоренскому, то законченные текстовые фрагменты предложил отделять знаками отточий, причем подчеркивал, что чем больше отточий, тем лучше для читателя, он писал: "*Знаки отточий могут занимать полстраницы или целую страницу, пусть читатель разбирается, что я хотел сказать, что я хотел, чтобы он понял*" (5, 735).

Отточия эксплицируют специфическую коммуникативную ситуацию между автором и читателем, направленную на вовлечение читателя в круг авторских интеллектуальных и

эмоциональных интенций, то есть намеренно моделирует ситуацию сотворчества с потенциальным адресатом:

"Тяжелым утюгом гладит человека БОГ.

.....

И расправляет душевные морщины.

.....

.....

Вот откуда говорят: *Бойся БОГА и не греши.*

Таким образом, анализ специфики употребления индивидуально-авторских визуально-графических средств позволяет эксплицировать прозу потока сознания В.В.Розанова как креолизованный текст, где синтез вербальных и невербальных средств образует сложное текстовое пространство, в организации которого важную роль играет параграфемика или стилистическая графика. Параграфемика, являющаяся одной из ведущих композиционно-речевых доминант прозы потока сознания В.В. Розанова, способна эксплицировать визуальное поле повышенной образности на основе использования средств авторской пунктуации, кавычек, скобок, курсивов, текстовых выделений с помощью графических миниатюр, отточий, знака апострофа. Данная целостная система индивидуально-авторской графики продуктивно репрезентирует авторские интеллектуальные и эмоциональные интенции, направленные на адекватную декодировку замысла автора читателем.

Написано при поддержке Российского Гуманитарного Фонда (РГНФ). Проект N 14-34-01011

Список литературы

- 1.Бердяев Н.А.О «вечно бабьем» в русской душе // В.В. Розанов: Pro et contra. Антология. – Кн.II. – СПб., 1995. – С.41-52.
- 2.Баранов А.Н., Паршин П.Б. Воздействующий потенциал варьирования в сфере метаграфемики // Проблемы эффективности речевой коммуникации. – М.,1989.
- 3.Ворошилова М.Б. Креолизованный текст: аспекты изучения//Политическая лингвистика. – Вып.20. – Екатеринбург, 2006.
- 4.ИльинВ.Н.Стилизация и стиль. Ремизов и Розанов // В.В. Розанов: Pro et contra. Антология. – Кн.II. – СПб., 1995. – С. 406-431.
- 5.Розанов В.В. Уединенное, Смертное, Опавшие листья, Апокалипсис нашего времени. – М.,1990.

6.Розанов В.В. Последние листья: Собрание сочинений под общ.ред. А.Н. Николюкина. – М., 2000.

7.Сукач В.Г. Загадки личности Розанова // Розанов и себе и жизни своей/ Сост, предисловие, комментарий В.Г. Сукача.– М.,1990.

8.Фатеев В.А. Жизнь. Творчество. Личность. – Л., 1991.

Рецензенты:

Абукаева Л.А., д.фил.н., профессор, Марийский государственный университет,
г. Йошкар-Ола;

Карпов И.П., д.фил.н., профессор, Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола.